

«Высокая нота» киевского лета

В Киеве в галерее «Лавра» прошел I Международный музыкальный фестиваль «Неделя высокой классики с Романом Кофманом»

Роман Кофман – украинский дирижер, известный во всем мире как один из наиболее серьезных и разносторонних дирижеров бывшего Советского Союза. Он выступал более чем с 70 оркестрами Европы, Америки и других континентов. С 2003 по 2008 год работал в Германии, возглавляя Бетховенский симфонический оркестр и Боннский оперу. С этим оркестром осуществил запись оратории Ференца Листа «Христос» (премия «Эхо-Классик») и всех симфоний Дмитрия Шостаковича, поставил 9 опер, включая малознакомую в Европе «Сорочинскую ярмарку» Модеста Мусоргского. Награжден орденом «Крест за заслуги перед Федеративной Республикой Германия первого класса». Наряду с работой за границей с 1990 года руководит Киевским камерным оркестром. Среди наиболее масштабных его работ, представленных недавно в Киеве, циклы всех симфоний Шуберта, Бетховена и Моцарта. Кроме того, большое внимание в подготовке программ уделяет музыке XX и XXI веков, чем успел заслужить особую благодарность современных композиторов и искушенных слушателей.

«Неделя высокой классики с Романом Кофманом» – первый именной фестиваль классической музыки на Украине. Он явился одновременно и воплощением давних замыслов маэстро, и подарком самому себе к своему 75-летию юбилею. Программа фестиваля оказалась феноменально насыщена именами звезд мировой величины, которые откликнулись на приглашение своего друга и приехали в Киев. Среди именитых гостей – Гидон Кремер и его оркестр «Кремерата Балтика», один из лучших солистов мира – Наталья Гутман и Элисо Вирсаладзе, лучшие «вагнеровские голоса» Стиг Андерсен и Иорданка Дерилова, известные виртуозы Иван Монигетти (виолончель, Швейцария), Джинсанг Ли (рояль, Австрия), Гарри Хоффман (виолончель, Франция), Павел Верников (скрипка, Австрия), Александр Гиндин (рояль, Россия), солист-трубач Андрей Кавалинский (Бельгия), Борис Андрианов (виолончель, Россия), известный украинский пианист Николай Сук, живущий в США, и другие.

Открылся фестиваль украинской премьерой уникального представления «Все о Гидоне». Это театрализованный концерт о жизни великого музыканта, в котором Гидон Кремер играет самого себя и вместе со своим оркестром «Кремерата Балтика» исполняет программу из всемирно известных произведений. Кроме концерта-открытия программа остальных восьми вечеров была полностью составлена хозяином фестиваля. Каждый концерт был интересен по-своему, в чем, бесспорно, сказался драматургический талант маэстро. О том, как рождалась идея «своего» фестиваля и как она воплощалась в жизнь, Роман Исаакович рассказал корреспонденту «СВ» в Киеве.

– Расскажите, как и когда возник замысел фестиваля?

– Желание основать фестиваль, где я был бы художественным руководителем, возникло еще в Германии 4 года назад, когда до завершения моего контракта с Боннским симфоническим оркестром оставался год. Кроме самого желания у ме-

ня появились тогда друзья и коллеги, готовые мне активно помогать. С ними мы уже успели выбрать место его проведения – городок между Кельном и Ахеном, где в качестве зала рассматривался собор: договориться с мэром города, которая была в восторге от этой идеи и пообещала административную помощь; собрать половину сметы, на тот момент – 150 тысяч евро; договориться о медиаподдержке с очень популярным музыкальным радиоканалом «Вест Дойче Радио-3». Сделано было много, но тут грянул кризис – и все заглохло.

Правда, у меня не возникло тогда мысли о фестивале в Киеве. Идея возродилась почти случайно зимой этого года, когда мой зять, главный дирижер Львовского филармонического оркестра Айдар Торыбаев, в частной беседе с директором галереи «Лавра» Анной Джангировой узнал о ее желании, чтобы в стенах галереи звучала музыка. Я поехал посмотреть помещение. Мне понравилось это совершенно спокойное место в центре Киева, эта успешность, эти граффити во дворе, трава, которая растет из асфальта. В то время как раз был перерыв между выставками, и я пригласил свой оркестр поиграть, чтобы проверить акустику.

– И что вы обнаружили?

– Акустика зала оказалась непригодной, гулкое эхо следовало погасить. Пришла идея посоветоваться со специалистами. Мы пригласили из Германии господина Дабрингауса – руководителя и соавладельца очень прогрессивной фирмы звукозаписи «Дабрингаус & Гримм», с которым я записал в Германии много чего, в том числе все 15 симфоний Шостаковича. Он приехал специально на один день для того, чтобы дать советы по улучшению акустики. В результате рецепты от господина Вернера по правильному обустройству зала сработали – акустика не подвела. А что до интереса, то я, наоборот, был рад аскетичности помещения, ведь в прошлом – это склады монастыря. Я часто принимал участие за границей в концертах, проводимых в необычных местах – забро-

ФОТО ЛЕФЕВРЕ

шенных шахтах, мельницах, и хотел, чтобы в Киеве тоже появилась альтернативная площадка для исполнения классики.

– Что вы хотели сказать, делая акцент в названии фестиваля – «высокая» классика? Подразумеваете ли вы, что существует «неввысокая» классика?

– Вопрос вполне уместный. Дело в том, что имя фестивалю подсыкалось долго и мучительно, мы пробовали разные варианты. Я вообще не хотел, чтобы мое имя фигурировало в названии. В практике таких фестивалей вовсе не обязательно, чтобы имя хозяина красовалось в заглавии, просто все и так знают, что знаменитый фестиваль в Кольмаре – детище Спивакова или что руководитель фестиваля в Локенхаусе – Гидон Кремер. Но организаторы сказали, что в другом варианте о фестивале речи быть не может. «Мы хотим продавать билеты», – их слова. Хотя существуют и именные фестивали, например в Минске проходит фестиваль Юрия Башмета, и там это сделано сознательно, потому что его имя гарантирует «касу».

К тому же у организаторов была идея привлечь не ту публику, которая ходит всю жизнь в филармонию, а ту, которая как раз туда не ходит, для которой важен элемент сенсационности. Они предполагали, что, возможно, у киевского бомонда возникнет желание заглянуть на неделю «высокой классики», так же как на неделю «высокой моды». Безусловно, в названии сквозит и некая ирония, ибо вся классическая музыка – жанр высокий. Название первого фестиваля получилось компромиссным, возможно, оно поменяется.

– Кэсти, почему вы решили дополнительно задействовать в нескольких программах Львовский филармонический оркестр?

– Во-первых, потому что Симфонический оркестр Национальной филармонии Украины был занят в начале фестиваля, а во-вторых, это было моим откликом-благодарностью Айдару Торыбаеву, который на неделю «высокой классики», так же как на неделю «высокой моды». Безусловно, в названии сквозит и некая ирония, ибо вся классическая музыка – жанр высокий. Название первого фестиваля получилось компромиссным, возможно, оно поменяется.

– Во время фестиваля я неоднократно слышала, как к вам обращались не по имени-отчеству, а по-европейски – «маэстро». Это обращение положено дирижеру по статусу или его надо заслужить?

– И так, и так. Вообще, «маэстро» означает «мастер», в Италии – это традиционное обращение к дирижеру, оно перешло в другие языки, и его используют часто независимо от степени уважения – так же, как в Российской империи обращение «Ваше благородие» употребляли независимо от наличия каких-то особых душевных качеств. Кроме прочего, это просто удобно.

– А в вашем оркестре как заведено?

– Музыканты моего оркестра обращаются ко мне по имени-отчеству, потому что мы очень близки, давно работаем вместе, а музыканты других оркестров часто обращаются «маэстро». Вот, например, музыканты Львовского филармонического оркестра, который был задействован в трех программах, чаще обращались «маэстро».

– Кстати, почему вы решили дополнительно задействовать в нескольких программах Львовский филармонический оркестр?

– Во-первых, потому что Симфонический оркестр Национальной филармонии Украины был занят в начале фестиваля, а во-вторых, это было моим откликом-благодарностью Айдару Торыбаеву, который на неделю «высокой классики», так же как на неделю «высокой моды». Безусловно, в названии сквозит и некая ирония, ибо вся классическая музыка – жанр высокий. Название первого фестиваля получилось компромиссным, возможно, оно поменяется.

– А что произошло с Киевским камерным оркестром во время вашего Боннского контракта?

– Я продолжал с ним работать, постоянно летал на репетиции и концерты. И, кстати, не только работа того периода в Германии была невероятно насыщенной и интересной, но и здесь, в Киеве, мы с оркестром подготовили три больших цикла: все симфонии Шуберта, Бетховена и, наконец, Моцарта, а их, как известно, 41. То есть в один сезон, в одном зале прозвучали все его симфонии, до нас на Украине этого никто не делал.

– Программа фестиваля была достаточно разнообразна, но при этом была лишена хаотичности. Как вам это удалось?

– Поскольку фестиваль реализован не в маленьком городе, а в мегаполисе, то объединять все программы какой-то одной идеей было бессмысленно, потому что каждый вечер приходит новая публика. Тематические фестивали интереснее делать в каком-то маленьком месте, куда люди приезжают специально на весь фестиваль и слушают все концерты. Поэтому у нас в каждом концерте логика драматургии разная. Например, во второй вечер фестиваля, когда Киевский камерный оркестр и оркестр Гидона Кремера «Кремерата Балтика» сделали программу «напополам», сыграв четыре серенады разных композиторов – Моцарта, Чайковского, Элгара и Бернштейна, логика легко угадывается, и это эффективно. Или, например, когда в одной программе исполняются Шуман и Бетховен.

– Да, это был как раз концерт, очень ярко закрывший фестиваль. В один вечер вы представили публике трех великодушных солистов: Наталью Гутман, Элисо Вирсаладзе и Павла Верникова, кото-

рых во втором отделении вы свели в так называемом «Тройном» концерте Бетховена. Лично у меня возникла ассоциация с известнейшим концертом, когда это произведение играли три кита – Рихтер, Ростропович и Ойстрах, а дирижировал оркестром великий Караян.

Вспоминая тот концерт, Рихтер говорил, что не был доволен тем, как они его сыграли, что исполнительское видение было разным и им трудно было найти компромисс. А что скажете о вашей версии «Тройного» концерта?

– Полный ансамбль. Конечно, совершенству нет предела, но художественное совпадение однозначно было.

– В программе явно преобладали немецкие композиторы, с чем это связано? Вы сроднились с ними в Германии?

– Я не задумывался над этим, но тому есть объективные основания – такого количества музыкальных гениев, каких дала Германия, не дала миру ни одна страна (помолчу), кроме России, но это не все признают.

– К юбилею вы также выпустили свою новую книгу «Пасторальная симфония, или Как я жил при немцах», которую представили накануне открытия фестиваля. В аннотации довольно неожиданно для многих ваша ипостась писателя предостигает ипостаси дирижера.

– Да, я во многих интервью уже объяснял это. Дело в том, что то, что я делаю в литературе, для меня важнее, чем то, что я делаю в музыке. Принципиальная разница между профессией дирижера и литератора в том, что писатель – творец в полном смысле этого слова. Он создает законченный художественный продукт. В музыке этот творец – композитор. Дирижирование – это, конечно, тоже творчество, но творчество исполнителя. Дирижер – только посредник между творцом, создавшим партитуру, и слушателем. Это творчество второго порядка – такова специфика профессии.

Вот почему литературой я всегда занимался с большим удовольствием. – И при этом в английской газете «Телеграф» вы названы «одним из лучших в мире дирижеров-интерпретаторов». Что вообще такое исполнительская интерпретация?

– Музыкальный текст не дает абсолютной информации о том образе, который хотел создать композитор. Потому что нотная запись несовершенна, она дает важную информацию, но не полностью адекватна тому, как слышит музыку ее творец. Партитура – материал для исполнения, к которому каждый музыкант невольно добавляет какое-то свое ощущение. Темп задан, но он предусматривает некую зону, скажем, аллегро в представлении одного исполнителя – это чуть быстрее, чем в представлении другого. А если говорить о более высоких вещах, то это ощущение атмосферы произведения.

– Что вы говорите музыкантам, чтобы добиться «своего» звучания?

– Я стараюсь меньше говорить. Если дирижерская техника, дирижерский магнетизм не действуют бессловесно, тогда не

мешает и сказать. Но я и своих студентов учу: чтобы развить свои дирижерские навыки, старайтесь избегать слов.

– Слова вы оставляете литературе... Сделайте комплимент – мне очень понравилась ваша новая повесть: чистая книга, легко верится, что литература – ваше призвание. Очевидно, что одна сюжетная линия автобиографическая – о вашей жизни в Германии во время пребывания на должности музыкального директора Бонна, полная размышлений о том, как в этой стране мог вырваться фашизм. Вторая – повествует о последних днях жизни музыкантов – заключенных концлагеря. Сколько здесь вымысла, сколько правды?

– Имена героев, их диалоги – моя фантазия, попытка реконструкции событий, но сам факт существования в концлагерях оркестров из заключенных известен мне с юности. И мне до сих пор непонятно и кажется диким то, что этот шекспировского масштаба трагедийный сюжет мало обсуждается и практически не отражен в литературе, а ведь это материал для большого романа.

– Описывая события, вы имеете в виду какой-то конкретный концлагерь?

– Нет, это скорее собирательный образ. Оркестры были только в двух концлагерях – в Освенциме и Терезиенштадте, так называемом «образцовом» лагере, куда возили даже представителей Красного Креста на «экскурсии». Там был симфонический оркестр, который регулярно давал концерты для своих палачей. Среди заключенных был и известный композитор Виктор Ульман, который продолжал творить, написав там большинство своих произведений.

– Занимая должность музыкального директора Бонна, вы были довольно известным человеком, вас узнавали на улице, здесь же, в Киеве, несмотря на все заслуги, вас узнают в лицо только любители классики.

– Дело в том, что у нас и у них разное отношение к классической музыке. В Германии – это культ. К тому же Бонн имеет свою интересную музыкальную историю, в этом городе родился Бетховен, в честь которого и назван симфонический оркестр. За пультом этого оркестра некогда стоял Рихард Штраус, дирижировавший своими произведениями, Макс Брух, Пауль Хиндемит. Поэтому смена главного дирижера Бетховенского симфонического оркестра – большое событие в городе, это активно обсуждают. Когда я заключил контракт, по городу висели огромные плакаты с моим портретом, поэтому немудрено, что меня узнавали на улице.

– Фестиваль продемонстрировал несомненное признание вас в профессиональном цеху – приехали звезды, сумевшие ради вас выкроить время в своих сумасшедших графиках. В чем разница между признанием и славой, которая вам тоже знакома?

– Разница – в звуке: признание – тише, слава – громче.

Елена БОЛДЫРЕВА, собор «СВ» в Киеве

Мотоциклы с авторским почерком

Белорусский техноювелир-конструктор Юрий ШИФ из числа тех, по кому в мире узнают Беларусь

Владимир Цеслер, чьи работы хранятся в лучших музеях плаката Швейцарии, Испании, Японии, США, в Русском музее Санкт-Петербурга, в Музее им. Пушкина в Москве, даже в Лувре, «художник без направлений», о Юрии Шифе сказал так: «В инженерии я понимаю крайне мало. Для меня Юра – потрясающий художник и дизайнер, техноювелир. Он – настоящий белорусский Фаберже. Кроме того, он удивительно интересный человек, замечательный собеседник. Хотя чтобы просто увидеть новую его работу, стоит очередь из известнейших художников, актеров, инженеров и, конечно, самых крутых бизнесменов мира. А чему удивляться: Юра Шиф – постоянно функционирующий генератор самых фантастических идей и замыслов».

Воплощенные проекты мотомастерской Юрия Шифа знают во всем мире. Самые известные люди шоу-бизнеса, актеры, художники, бизнесмены, желающие не просто купить дорогой мотоцикл, а эксклюзивную, индивидуальную, не имеющую аналогов вещь, обращаются к нему. Но далеко не для всех заказчиков белорусский «левша» строит технику.

– Я вижу человека, узнаю, понимаю – и начинаю рисовать, никогда не спрашиваю, что он хочет получить, и строю мотоцикл конкретно под его характер, ну и, конечно, под его рост и вес. Других условий заказа для меня нет. Я воплощаю только свои творческие и инженерные проекты, над чужими не работаю никогда. Ведь я подписываю их своим именем! – говорит Юрий Шиф. Ему часто предлагают самые

комфортные условия для производства и финансирование его даже самых фантастических проектов в США, России и многих странах Европы.

– Из Беларуси я никогда не уеду, все члены моей команды думают так же. Это наша страна, здесь наш дом. А дома, как говорится, и стены помогают. Да и национальную идею еще никто не отменял! – так на все предложения иностранных инвесторов отвечает сам Шиф.

Работы мастера, представленные под белорусским флагом, с 2006 года регулярно берут призы на всех крупнейших международных мотоконкурсах и выставках в России, Германии, США, Италии и других странах.

Вот, например, что рассказывает белорусский мастер об одном из своих самых интересных проектов –

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ЮРИЯ ШИФА

мотоцикле Time Machine. «Мотоцикл с «самой рок-н-рольной» гитарой Gibson LesPaul вместо верхушки рамы построен в честь знаменитой рок-группы «Машина времени». Помимо раритетного двигателя Harley Davidson Shovelhead 1979 года он интересен асимметричными колесными дисками и настоящей позолотой. Мотоцикл получил почетный приз Best Craziest Bike на выставке Custombike-2007 в Германии. Философская идея этого мотоцикла звучит так: «Музыка – это способ передвижения во времени». На самом байке есть автографы всех

участников группы «Машина времени». Time Machine – это больше арт-объект, он не предназначен для дороги, хотя на нем можно ездить. Он для того, чтобы им любоваться и показывать на выставках».

Юрий Шиф рассказывает: «Этот проект родился в долгах муках. Идея родилась в мае 2009 года. Реализация заняла всего два месяца – рекордный срок. Ведь на самом деле построение мотоциклов по индивидуальному проекту в последние годы превратилось в соревнование инженерных и художественных идей. Что касается The Machine, то это не просто борьба за украшатель-

ство и создание красивого объекта, способного удивлять. Это новый взгляд на мотоцикл. Но это если говорить о воплощении в металле. До этого были месяцы размышлений и инженеринга. Уникальность The Machine в том, что точно такой же мотоцикл мог быть создан и... 70 лет назад. Инженерные, технические и конструкторские решения в нем использованы именно те, которые использовались 70 лет назад. Этот мотоцикл был построен для установления абсолютного рекорда скорости. Он рожден для скорости, каждый его миллиметр создан для этого. Желание побеждать, тяга к скорости были и будут у людей всегда. И мотоцикл является символом этой мечты всех поколений инженеров, конструкторов, гонщиков. Его сердцем является специально построенный силовой агрегат, который основан на деталях легендарного советского двигателя К-750. Для увеличения мощности двигатель оснащен винтовым компрессором. Его объем – 1500 куб. см. Мы смогли переломить сознание многих людей за рубежом, которые, возможно, относились к Беларуси к странам третьего мира. Мы доказали: у нас есть талантливые люди, инженеры, дизайнеры. И это наша главная беда.

Вопрос был принципиальным – взять именно русский мотор и сделать мотоцикл русского уровня. Показать всем русским ребятам: главное – не бояться!»

Когда у Юрия Шифа однажды спросили, какие из реализованных проектов ему особенно важны и дороги и почему, он ответил:

– Все они являются этапами развития мастерской и по-своему мне дороги. Что же касается каких-то личных, внутренних переживаний, хотел бы выделить мотоцикл «Виктор Цой». Пусть даже он не имел большого резонанса, но для меня эта работа значила очень многое. Это посвящение культовому музыканту 80-х. Он был задуман более пяти лет назад, еще до начала работы над Time Machine. Воплощение откладывалось по разным причинам, прежде всего необходимо было глубоко осмыслить его судьбу и творчество, чтобы придать мотоциклу соответствующий образ. Цой был очень светлой личностью, именно поэтому в окраске мотоцикла я отдал предпочтение его любимому желтому. Те, кто хорошо знаком с его творчеством, обнаружат в оформлении мотоцикла много узнаваемых мотивов: солнечную корону, репродукции его картин на переднем и заднем крыльях, силуэт Ленинграда в белую точку, шрифт надписи на баке. И конечно, портрет: репродукция очень характерно и, на мой взгляд, лучшего фото Виктора Цоя (автор Юрий Чашкин). Безусловно, мотоцикл получился неоднозначным, в чем-то вызывающим, но другим оно быть и не

может. Предполагаю, что мотоцикл получит противоречивые, диаметрально противоположные оценки. Но я вижу образ этого человека именно так. Считаю, что имею на это право.

На мой вопрос о семье, свободном времени и отдыхе Юрий Шиф ответил тоже неожиданно. «Моя жена – равноправный член команды, увлечена не меньше меня, – не без гордости отметил мастер. – Мы практически не расстаемся, вместе и на работе и дома. В свободное время я продолжаю строить мотоциклы, перепишиваясь со всей планетой. Мне ведь нужна информация обо всем, что происходит нового в мире техники. По этой причине не отходил я уже много лет: не для меня это – туло лежать на пляже, постоянно боюсь что-то не успеть, да и планов – немерено. Вот кончатся, не дай Бог, идеи – тогда и можно будет отдохнуть!»

Своим самым большим достижением Юрий Шиф считает собранную им команду суперпрофессионалов. «Ведь они делают по-настоящему ручную, ювелирную работу, – подчеркивает мастер. – И ее результаты столь высоко оценены во всем мире. Это потрясающие мастера: Дмитрий Лобанок, Александр Синкевич, Александр Матвейков, Сергей Молчан, Александр Колыбасов. С этими ребятами я надеюсь запустить в Беларусь производство серийных мотоциклов под своим брендом, они уже сейчас очень востребованы во всем мире. Пожалуйста, не забудьте нам в этом помочь!»

Андрей РУБИН